

ПРАВО

УДК 343

*Р.Л. Ахмедшин***ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
О ЧЕЛОВЕКЕ В ПРАВОВЫХ НАУКАХ**

Рассмотрены факторы соответствия знаний о человеке требованиям научного подхода. Особое внимание уделено роли доктрины в исследованиях личности.

Ключевые слова: личность; наука; доктрина.

Сформированность психологического знания (конечно, в той части, в какой вообще можно говорить о сформированности научного знания) предполагает обязанность ученого привлекать знания науки о душе в исследованиях, в которых в той или иной степени фигурирует человек.

Психологическое знание будет способствовать процессу познания человека в его сути и всех проявлениях, если будет учтен ряд факторов, которые будучи неучтенными понижают эффективность использования психологического знания. Мы сгруппировали эти факторы в относительно самостоятельные блоки, содержание которых определяется наличием в науке о человеке:

- 1) единого взгляда на природу человека;
- 2) доминанты холистского подхода;
- 3) степени конкретности психологического знания;
- 4) проявлений доктринального диктата.

Единый взгляд на природу человека. На первый взгляд наличие этого требования может оказаться нереализуемым. Действительно, в персонологии на сегодняшний день сложилось такое громадное количество подходов, что попытка найти общие взгляды даже в наиболее признаваемых концепциях природы личности кажутся в принципе нереализуемыми. Действительно, психодинамическое (З. Фрейд), диспозиционное (Р. Кеттел), бихевиоральное или бихевиористское (Б.Ф. Скиннер), социально-когнитивное (А. Бандура), феноменологическое (К. Роджерс), гуманистическое (А. Маслоу) направления содержат порой противоположные и взаимоисключающие положения. Для полноты картины добавим сюда психогенетическое и палеопсихологическое направления. Что же, поиск единого подхода в познании природы человека заранее обречен на неудачу? Ведь кажется неразрешимой дилемма: с одной стороны, существует большое количество разных подходов к природе личности, а с другой – большинство из них подтверждено практическими исследованиями и многолетней практикой применения.

Личность – весьма многогранное понятие, к тому же относительно динамичное. Действительно, находясь в разных возрастных группах, социальных ролях, имея разные биологические предпосылки, принадлежа к различным стратосам, люди весьма радикально отличаются друг от друга.

Психологическая наука относительно недавно выделилась из знания философского, поэтому еще ориентируется порой на понятия, допустимые для ненаучного знания, но неприменимые для познания научного.

Так, категории «человек», «личность» являются настолько всеобъемлющими, что в научном исследовании становятся логически пустыми. Если для философского подхода исследования природы человека представляют интерес, несмотря на достаточно сомнительные результаты подобной работы, то в научной сфере подобные исследования ради исследования представляются нецелесообразными. Отметим, что к подобному, может быть, несколько категоричному выводу мы пришли, анализируя практику рецепции антропологического знания в научные дисциплины современности. В большинстве случаев ссылки на авторов-философов наблюдаются у изучающих личность авторов, которые в силу какой-либо причины не сочли необходимым или возможным проведение практических исследований.

Ни один из вышеперечисленных подходов к природе личности не истинен абсолютно, в силу многоаспектности психики человека, многофакторности условий, в которых он существует. Поэтому каждый конкретный подход должен применяться в той сфере человеческой деятельности, для которой он изначально разрабатывался, или в той, где он проходил адаптацию. Так, основатель психоаналитического направления З. Фрейд в основном работал с невротиками, поэтому когда основные положения своей теории он применил в исследованиях детской психики (сначала невротической, а потом и нормальной), то в результате получил образ некоего «антиангелочка», из которого просто обязан вырасти будущий пациент психоаналитика. Положения теории К.Г. Юнга достаточно близко прилегают к мистике и ориентированы на потребность человека в приобщении к высшим образам. Сам К.Г. Юнг полагал, что подобная «самореализация» доступна только способным и высокообразованным людям, имеющим к тому же достаточный для этого досуг. Соответственно для остальных представителей рода человеческого этот подход не актуален. Кто-то из авторов отработывал свои исследования на малолетних, кто-то – на несовершеннолетних, кто-то – на лицах, получающих высшее образование, кто-то – на профессионалах в различных областях человеческой деятельности. Соответственно, повторимся: для исследования конкретной формы проявления психического необходимо использование конкретного психологического подхода к личности, использование же этого подхода в других аспектах нецелесообразно. Указанное положение и составляет содержание принципа единства взглядов на природу человека.

Доминанта холистского подхода. Нет сомнений, что личность образование целостное, однако исследования личности преступника в криминалистической науке должны быть ориентированы на элементаристский подход. Элементаризм – позиция в персонологии, согласно которой личность может быть объяснена только путем исследования каждого фундаментального аспекта поведения отдельно, независимо от остальных. В противовес элементаризму сторонники холистского подхода считают, что поведение человека можно объяснить только путем изучения индивида как единого целого. Если взять наиболее типичных представителей холистского подхода (З. Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг, Э. Эриксон, Э. Фромм, Г. Олпорт, Д. Келли, А. Маслоу), то можно констатировать слабую эмпирическую подтверждаемость теоретических построений этой группы исследователей [1. С. 137–138, 187–188, 208, 239–240, 254, 295–296, 457, 506–507], что не характерно для теорий сторонников элементаристского подхода (Р. Кеттел, Г. Айзенк, Б.Ф. Скиннер, А. Бандура, Д. Роттер) [1. С. 313, 322–325, 357–358, 397, 422–423]. Возможно, когда-нибудь будет создана холистская теория, которая будет впоследствии плодотворно исследована и эмпирически подтверждена, однако до этого момента следует пользоваться теориями пусть и не столь «красивыми» как холистские, но реализуемыми в сфере практической – теориями элементаристскими.

Степень конкретности психологического знания о человеке. Данный фактор определяется элементом математизации в психологических исследованиях. На входе в платоновскую Академию была написано «Не геометр да не войдет». Впоследствии данный тезис вызвал достаточно большое количество споров в практике научных исследований. Гегель говорил о нецелесообразности абсолютизации количества как одной из ступеней развития идеи (пусть даже и очень важной). А. Эйнштейн полагал, что «самая блестящая логическая математическая теория не дает сама по себе никакой гарантии истины и может не иметь никакого смысла, если она не проверена наиболее точными наблюдениями» [2. С. 124]. Спектр мнений по данному вопросу весьма разнообразен. Если рассуждать в методологическом ключе, то мы согласимся с мнением эффективно-го использования математических методов только в тех случаях, когда знаковые системы не вторгаются в сферу понятийную. Однако мы уверены, что сущностный поиск достижения определенного уровня всегда объективно выходит на уровень знаковой формализации, поэтому исследования не могут быть логически завершенными, если не были использованы математические методы. Очень показательна в этом плане судьба гуманистического направления в персонологии (концепция А. Маслоу), в которой недостаточная строгость формулировок, расплывчатость критериев степени удовлетворенности потребностей различных уровней, большое количество исключений из иерархической схемы мотивации человека привели к невозможности эмпирической проверки его теоретических положений. Одна из базовых персонологических теорий, не получив математического «обеспечения», приобрела уникальный «доверительный» статус: хочешь использовать в своих исследованиях гуманистическое направление

персонологии – используй, только ссылайся не на эмпирическую состоятельность, а на авторитет А. Маслоу, который достаточно высок у ученых-теоретиков.

Мы искренне верим, что подобное признание заслуг ориентируется не на возможность трактовки достаточно общих положений рассматриваемой теории, а на признание целесообразности пропаганды идеи человеческой креативности. Однако, несмотря на это, видим в подобном проявлении негативной тенденции помещать в основу новых теорий эмпирически несостоятельные положения, единственное преимущество которых является этическая и эстетическая привлекательность.

В завершение сказанного вспомним фразу Ф. Ницше: «Нести при себе золото в неотчеканенном виде связано с неудобствами; так поступает мыслитель, лишенный формул» [3. С. 62].

Наличие доктринального диктата. История существования человеческого общества содержит в себе громадное количество идейных концепций, существование которых обеспечивает монолитность общества в лучшем случае и его сбалансированность в худшем. Религиозные (христианская, мусульманская, иудаистская и т.д.), социально-философские (коммунистическая, фашистская, демократическая и т.д.), социо-этические (гуманистическая, коллективистская, тоталитарная и т.д.) концепции постоянно внушаются людям в зависимости от определенного хронологического периода, снижая уровень недовольства властью (действительный или мнимый). Мы не говорим о наличии специально законспирированных структур государства, ведающих идеологической обработкой современного общества, их волевое создание не обязательно и происходит в интуитивно-стихийном порядке, детерминирующийся необходимостью в стабильности существования общества. Речь не идет об оптимальности формы существования общества, подобный интуитивно-стихийный порядок не направлен не на добро, не на зло, он действует в рамках уже существующего общества, отражая его уровень эволюции.

До сих пор, к примеру, не доказано, что тоталитарная парадигма хуже/лучше парадигмы демократической, поэтому ученый, являясь также объектом воздействия социума, в своих исследованиях должен четко отграничивать фактор доктринальный от фактора научного либо обязательно указывать на природу их пересечения, если таковая присутствует.

В отличие от трех вышеназванных факторов фактор доктринального диктата как бы пронизывает гуманитарное знание, встраиваясь в его аксиоматическую составляющую.

Независимо от непосредственного объекта исследования (проявления особенностей человеческой психики в той или иной правовой области), чтобы уменьшить вероятность ошибочных суждений, уже в начале работы целесообразно соотнести доктринальный «поправочный коэффициент», вытекающий из содержания базовых доктрин, доминирующих в исследованиях личности.

Первая доктрина обозначена по имени архонта Фесмофета Драконта, кодифицировавшего в 621 г. до н.э. нормы права. Данная кодификация иногда называется законом Дракона. Ставшая нарицательным в силу наличия ряда очень строгих санкций за деликты,

данная кодификация взята за точку отчета в рамках первой рассматриваемой доктрины. Драконовская доктрина своей идейной базой может содержать одну из двух установок.

Установка 1. Человек зол по своей природе, поэтому люди, преступающие закон, злы вдвойне, т.к. становятся в каком-то смысле «бешеными животными». Отметим, что с научной точки зрения данная установка как идея имеет право на существование, т.к. ее неистинность еще не доказана и сомнительно, что она в принципе доказуема или опровержима в силу слабой степени изученности биологической детерминанты человеческой природы современной наукой о человеке.

Установка 2. Человек добр, но иногда встречаются исключения, поэтому эти исключения подлежат уничтожению, чтобы не создавать трудности в жизни обычных людей. Несмотря на столь значительную содержательную нагрузку, данные установки достаточно тождественные по природе выводов.

Как правило, декларируется вторая установка в силу того, что у лиц, генерирующих доктринальные идеи, существует восприятие мира соответствующее первой установке. Вероятно, подобное происходит в силу наличия психологических проблем у приверженцев рассматриваемой доктрины. Суть данной доктрины сводится к тому, что тяжесть преступления должна соответствовать тяжести наказания плюс степень сущностного зла в человеке, т.е. наказание должно быть больше преступления. Для иллюстрации этого вспомним ответственность за коммунистические убеждения в США первой половины XX в., за кражу сельхозпродукции в СССР в 30–40 гг. XX в., за безбилетный проезд в Германии того же периода. Обыватель считает данную доктрину наиболее оптимальной, хотя, если бы это было так, то данная доктрина давно бы искоренила само явление преступности, т.к. именно она лежала в основе законодательства древних цивилизаций – Египта, Индии, Китая, Майя. Рассматриваемая доктрина обладает двумя серьезными недостатками, детерминирующими ее значительную непригодность в современном обществе. Речь идет:

1. Об объективно сосуществующей с данной доктриной атмосферой страха. «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». У каждого человека существует вероятность совершения неумышленного преступления или преступления в состоянии аффекта. Бессознательная готовность ответить за, пусть маловероятный, но возможный проступок будет тем больше, чем больше ответственность за данный проступок. Эра НТР требует мобилизации от человека его ресурсов, а интеллектуальная мобильность плохо сочетается с постоянным бессознательным страхом наказания. Сказанное детерминирует спорную эффективность существования драконовской доктрины в современном техногенном обществе.

2. О необходимости содержания в карательном аппарате государства достаточно большого количества исполнителей приговоров, которые в силу своей жесткости внесут в психическую жизнь исполнителей установки, недопустимо искаженные. Достаточно смягченный вариант подобного отражения мы можем проследить в чувстве юмора практикующих хирургов и равнодушном спокойствии работников кладбищ и право-

охранительных органов, однако сама семантика термина «право» в идеале не предполагает значимых психических aberrаций у работников, его поддерживающих. Если же учитывать, что отклонения от нормального мировосприятия продуцируются также на микросоциум (семью), то можно констатировать сомнительную целесообразность рассматриваемой доктрины сегодня. Речь, конечно, идет о стратегическом, а не тактическом руководстве драконовской доктриной.

Гуманистическая доктрина в своей идейной базе содержит установку на позитивизм человеческой природы. Лицо, совершившее преступление, по этой концепции понимается как оступившееся, но сохранившее свою позитивную природу. Как и предыдущая концепция, вследствие базирования на этической материи, она недоказуема и непроверяема с научной точки зрения. Необходимо отметить, что гуманистическая доктрина в современном мире является наиболее признанной. Идея прав человека как некоей позитивной сущности пропагандируется европейской философией с XVIII в., хотя справедливости ради отметим, что подавляющее большинство из отцов данной идеи пропагандировали её только в своих философских работах, но не в собственной личной жизни. Так, например (самый безобидный пример), отец современной гуманистической педагогики Ж.-Ж. Руссо в отношении своих детей руководствовался иными взглядами, которые отрицаются даже этикой XXI в. Но это, конечно, частности.

Суть гуманистической доктрины сводится к тому, что тяжесть преступления равно наказанию минус фактор позитивной природы человека, т.е. наказание должно быть меньше преступления, т.к. мы верим, что виновный с высокой степенью вероятности встанет на путь исправления, если будет уверен в нашем доверительном отношении к нему. Наиболее эффективной демонстрацией целесообразности гуманистической доктрины наказания является проблема рецидивной преступности в России (особенно среди несовершеннолетних преступников). Число рецидивистов не является секретом, и было бы не плохо, если бы сторонники гуманистического подхода перед своими исследованиями вспоминали бы о нём.

Может показаться, что мы крайне негативно относимся к гуманистической доктрине, однако это не так. Идея гуманизма по своей духовной величественности может уступать только идее коммунизма, однако практика реализации этих идей по ряду причин радикально отличается от прогнозируемых ожиданий. Представляется, что причины этого сводятся к следующему:

1. Обыватель не приемлет объективности данной доктрины. Опрос 300 человек показал, что граждане не считают себя обязанными государству, которое в силу гуманного отношения к преступникам не может защитить от последних законопослушных граждан. «Право» и «справедливость» – термины с общим генезисом, не веря в справедливость (как она подается гуманистической доктриной), обыватель не верит и в право. Не следует, вероятно, указывать, что подобное положение, в свою очередь, является сильным криминогенным фактором.

2. Понижается эффективность функционирования правоохранительных органов, особенно органов расследования и дознания. Из 74 работников следствия 69 зая-

вили, что в силу излишне гуманного наказания лиц, совершивших преступления, они не осознают цели своей профессиональной деятельности. Надо ли говорить, что подобная мотивация достижения позитивно сказаться на деятельности правоохранительных органов в принципе не может. Фактор также криминогенный.

3. Нарушается механизм ротации представителей преступного мира в обществе. Лица, совершающие преступления, находятся в одной из трех стадий: они вне поля зрения закона (первая стадия), они под следствием (вторая стадия), она отбывают наказание (третья стадия). Понятно, что вследствие гуманизации наказания, особенно вследствие широкого распространения условного осуждения, условно-досрочного освобождения, назначения наказания по минимальному размеру санкций, ротация криминального контингента должна происходить в основном в первых двух стадиях. Учитывая, что увеличивающийся объем работы следователей значительно не подкрепляется увеличением профессионализма их штатов (соразмерно криминальной статистике, а не позициям бюджета государства), нахождение лиц с криминальными наклонностями концентрируется в стадии «вне поля зрения закона». Решительно этот фактор также является криминогенным.

Идея гуманизма бесконечно прекрасна, но ее реализация в форме даже доктринальных положений ещё ожидает своих объективных исследователей. Данная доктрина должна реализовываться в современном обществе, но, вероятно, ее реализация должна происходить в форме локальных экспериментов, а не в форме наводнения.

Доктрина талиона. Третья доктрина генетически не связана с двумя предыдущими. В основу драконовской и гуманистической доктрины положены правила или, точнее аксиомы этического порядка. Доктрина талиона не является промежуточной между двумя вышеназванными, а образована самостоятельным вектором в научно-исследовательской мысли. Талион как принцип наказания, в основе которого положено правило «око за око», встречается в писанных законах первых цивилизаций. Так, в законе Хаммурапи и законах Ману уже активно используется как символический, так и материальный талион. Доктрина талиона наиболее древняя в истории права, что совершенно не исключает воз-

можности ее развития и, как следствие, применения в современном обществе. В основе доктрины талиона положена идея адекватности наказания совершенному поступку. Первые формы реализации доктрины талиона отличаются достаточно жестокими, с точки зрения сегодняшней морали, мерами наказания, но необходимо отметить, что это не свойство доктрины талиона как таковой, а демонстрация уровня развития рассматриваемой доктрины в тот период времени.

Несмотря на то что в некоторых странах идеи талиона встречаются до сих пор (например, обычай кастрации за совершенное изнасилование, практикуемое в Афганистане представителями движения Талибан), в своем первоначальном виде она малоприспособна. Однако идея адекватности наказания проступку, как лишённое неформализуемого этического содержания, а базирующаяся на фактической измеримой основе, представляется наиболее целесообразной. В основу доктрины талиона (далее доктрины адекватности) положена идея о том, что человек не является эманацией ни зла, ни добра, его природа лежит вне плоскости этических критериев. Человек – существо, наделенное свободой воли, и отвечающее в силу этого за все свои поступки «здесь и сейчас». Одновременно государство в рамках данной доктрины выступает в роли «строгого, но справедливого» арбитра.

Основная проблема, свойственная доктрине талиона заключается в сложности разработки системы наказания, в которой преступники будут чувствовать справедливость лишений в силу осознания адекватности проступка и его последствий в виде пенитенциарных лишений. Определение индивидуальной доли страдающих лицами – вот стратегическая задача, которая стоит перед доктриной адекватности.

Исследования личности в современной правовой науке должны базироваться на учёте четырех описанных факторов. Без сомнения, пока не будут проведены полноценные исследования соотносимости описанных доктрин в рамках проведения целевых научных исследований в области права, результаты этих исследований с точки зрения научности будут соответствовать лишь уровню философских поисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применения. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.
2. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965. 320 с.
3. Злая мудрость. Томск, 1999. 120 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 мая 2010 г.